

Д.В. Марьин

Алтайский государственный университет

**Автобиографии В.М. Шукшина
как объект филологического исследования**

Аннотация: В статье рассматриваются некоторые проблемы филологического исследования автобиографических документов известного русского писателя, актера и режиссера В.М. Шукшина.

The article discusses some of the problems of philological studies of autobiographical documents of the famous Russian writer, actor and film director V.M. Shukshin.

Ключевые слова: русская литература, русский язык, В.М. Шукшин.

Russian literature, Russian language, V.M. Shukshin.

УДК: 82–94.

Контактная информация: Барнаул, ул. Димитрова, 66. АлтГУ, филологический факультет. Тел. (3852) 366379. E-mail: marin@filo.asu.ru.

Автобиографии В.М. Шукшина никогда прежде объектом комплексного филологического анализа не становились, до сих пор вызывая интерес (с фактографической точки зрения) лишь у биографов алтайского писателя. Отчасти это объясняется тем, что долгое время автобиографии Шукшина не были доступны для исследователей. Вышедшее в 2009 г. новое восьмитомное собрание сочинений В.М. Шукшина впервые не только представляет вниманию исследователей и простых читателей полные тексты 5 вариантов автобиографии алтайского писателя (1953, 1954, 1955, 1963 и 1973 гг.), но и открывает перспективу проведения их сопоставительного изучения [Шукшин, 2009, с. 300, 302, 303, 305, 309]. Филологический анализ автобиографий В.М. Шукшина может строиться на последовательном обращении к следующим проблемам:

- 1) проблема текстологии;
- 2) проблема жанрового своеобразия;
- 3) проблема языка;
- 4) проблема авторского характера, а также творческого поведения автора в автобиографии;
- 5) проблема отражения жанровых особенностей автобиографии в художественном творчестве В.М. Шукшина.

Проблема текстологии автобиографий алтайского писателя связана с решением вопросов по установлению основного текста каждой автобиографии, что подразумевает выявление обстоятельств создания данной автобиографии, в случае необходимости – восстановление утраченных компонентов текста и т.д. Особенно актуальны вопросы текстологии при обращении к так называемой «автобиографии 1966 г.», отрывки из которой были впервые опубликованы Л.Н. Федосеевой-Шукшиной в 1979 г. в сборнике публицистики писателя «Нравственность есть Правда» [Шукшин, 1979, с. 309, 322–323, 336]. Обстоятельства создания данной автобиографии не известны, а ее полный текст не доступен для исследователей.

Проблема жанрового своеобразия – важнейшая проблема, возникающая в процессе филологического анализа автобиографий В.М. Шукшина. С жанровой точки зрения автобиографии алтайского писателя неоднородны. В литературоведении под автобиографией обычно понимают «воспоминание о собственном пути автора» в отличие от собственно воспоминаний – «произведений, рассказывающих... о времени в целом, исторических событиях или людях» [Матханова, 2010, с. 71]. При этом, как правило, внешние проявления человеческой деятельности в автобиографии соединяются «с помощью мотивировок, в которых при желании можно увидеть отдельные черты внутреннего мира героя» [Казанский, 2009, с. 76]. Вместе с тем следует отличать автобиографию как литературно-художественный жанр от одноименной разновидности личных документов, представляющей собой краткое изложение основных событий собственной жизни. Все представленные в восьмитомнике автобиографии алтайского писателя относятся как раз к данному виду личных документов. Они создавались В.М. Шукшиным в различных ритуализованных ситуациях (автобиографии 1953, 1963 и 1973 гг. – при приеме на работу, автобиография 1954 г. – при поступлении во ВГИК, автобиография 1955 г. – при вступлении в КПСС) и представляют собой традиционный перечень фактов, имеющих отношение к социальной жизни и профессиональной деятельности автора, и изложенных в хронологическом порядке. Рефлексия Шукшина в отношении к указанным жизненным событиям здесь почти полностью отсутствует, и судить об оценке писателем некоторых фактов своей биографии мы можем только по косвенным признакам (см. об этом ниже).

Этим пяти автобиографиям с жанровой точки зрения противопоставлена «автобиография 1966 г.». Главное ее отличие от «документальных» автобиографий – ярко выраженная нарративность и наличие саморефлексии: «*В 1948 г. Владимирским горвоенкоматом я как парень сообразительный и абсолютно здоровый был направлен учиться в авиационное училище в Тамбовской области. Все мои документы, а их было много, разных справок, повез сам. И потерял их дорогой. В училище явиться не посмел и во Владимир тоже не вернулся – там, в военкомате, были добрые люди, и мне больно было огорчить их, что я такая “шляпа”*» [Шукшин, 1979, с. 322]. Сообщение о каком-либо событии или факте биографии здесь сопровождается рассказом о нем; также автор стремится и к мотивировке своих поступков. Указанные черты позволяют отнести автобиографию 1966 г. к жанру литературно-художественной автобиографии.

Заметим, что отдельные попытки введения мотивировок встречаются и в документальных автобиографиях Шукшина, см., например, автобиографию 1954 г.: «*Однако техникум окончить не удалось – в 1947 году, окончив 2,5 курса, я оставил учебу и пошел работать. Дальнейшее образование хотел совместить с работой*» [Шукшин, 2009, с. 302], а также автобиографию 1955 г.: «*В 1943 г., окончив 7 классов средней школы, я поступил учиться в Бийский автотехникум (Алтайский край), где проучился 2 года и ушел. Было трудно материально – мать одна, отца убили на войне*» [Там же, с. 303]. Таким образом, можно говорить об эволюции автобиографии в творчестве В.М. Шукшина в направлении от документа к литературному жанру.

Проблема языка автобиографий В.М. Шукшина – следующая проблема, требующая филологического анализа. Очевидно, что на языковые особенности автобиографий повлияли специфические требования официально-делового стиля.

Для лексического уровня характерно преобладание стилистически нейтральной лексики, отказ от окказионализмов, почти полное отсутствие фразеологических выражений и переносного употребления слов. В первую очередь это характерно для «документальных» автобиографий Шукшина. Лишь в автобиографии 1955 г. отмечается морской профессионализм «*списать*» в значении «отправить, определить на службу»: «*...был **списан** на Черное море, в Севастополь...*» [Там же, с. 304]. Следует заметить, что незначительное употребление жаргонизмов ха-

рактурно в целом для литературного творчества Шукшина, в том числе и для его эпистолярия.

Несколько более свободна в лексическом отношении литературная автобиография 1966 г. Здесь встречается разговорная лексема «*проваливаться*» (в значении «потерпеть неудачу»): «*Тут провалился на экзаменах. По математике*» [Там же, с. 322]; фразеологизмы: «*“Выйти в люди” все никак не удавалось*», «*...от начала до конца пробыл бок о бок с человеком необычайно талантливым...*» [Шукшин, 1978, с. 322, 309]; переносное употребление слов: «*Дважды чуть было не улыбнулось счастье*», «*...в военкомате, были добрые люди, и мне больно было огорчить их, что я такая “иляна”*» [Там же, с. 322].

Морфологический уровень языка автобиографий В.М. Шукшина характеризуется следующими явлениями. Наблюдается активное употребление глаголов, что в целом характерно для художественной прозы и эпистолярия писателя. При этом велико число глагольных форм в страдательном залоге: «*... я был призван на срочную воинскую службу...*», «*... я был досрочно демобилизован...*» [Шукшин, 2009, с. 302]; «*... был послан для работы в г. Владимир...*», «*... был демобилизован...*» [Там же, с. 304] и т.д. Кроме того, нет случаев нарушения грамматических форм числа и падежа, что часто встречается в письмах Шукшина и его прозаических произведениях. Все это, без сомнения, объясняется требованиями официально-делового стиля. В то же время отглагольные существительные для называния действий, являющиеся одним из характерных морфологических признаков данного стиля, в автобиографиях алтайского писателя практически отсутствуют (*... демобилизован со снятием с военного учета...; ... с исполнением обязанностей директора...* [Там же, с. 304]).

Для синтаксиса языка автобиографий В.М. Шукшина свойственно активное использование простых предложений, что также не характерно для официально-делового стиля. Значительное место занимают односоставные предложения: «*Тут провалился на экзаменах. По математике*», «*Сдал*», «*Осенью сдал*» [Шукшин, 1978, с. 322]; «*До революции и после – родители занимались сельским хозяйством. Крестьяне – середняки. После коллективизации – колхозники*», «*Весной 1953 г. – сдал*» [Шукшин, 2009, с. 303–304] и др.

Среди приемов организации художественно-речевой структуры прозы В.М. Шукшина, встречающихся и в автобиографиях, следует отметить несобственно-прямую речь: «*...там, в военкомате, были добрые люди, и мне больно было огорчить их, что я такая “иляна”*», а также повтор: «*Хуцееву пришла мысль по-пробовать меня. Попробовали*» [Шукшин, 1978, с. 322, 309]. Оба примера относятся к литературной автобиографии 1966 г.

Проблема авторского характера, напрямую связанная с творческим поведением В.М. Шукшина в автобиографиях, заслуживает отдельного внимания. «Характер ... в автобиографии может быть фактом такого же художественного значения, как в романе, потому что он также является своего рода творческим построением, и эстетическая деятельность, его порождающая, уходит еще дальше, в глубь того житейского самопонимания и познания окружающих и встречаемых, которое является и всегда являлось неперенным условием общения между людьми» [Гинзбург, 1999, с. 10]. В документальных автобиографиях, в силу высокой степени их регламентации, характер автора будет раскрываться не столько через указанные факты биографии, сколько через отношение к ним писателя. Исследователями замечено, что «автобиографические документы Шукшина, мягко выражаясь, безупречной точностью не отличаются» [Гришаев, 1994, с. 89]. Некоторые из неточностей можно считать случайными, возникшими вследствие «ошибок памяти» («*lapsus memoriae*»). Однажды допущенные, они могли впоследствии репродуцироваться в ряде документов. К таковым, безусловно, относятся: путаница дат рождения родителей, разночтения в годе поступления в Бийский авто-техникум (ср. 1943 г. – в автобиографиях 1953, 1955, 1963, 1973 гг., и 1944 г. –

в автобиографии 1954 г.) и сроке обучения в нем (в каждом варианте автобиографии указан разный срок – от 1,5 года до 3 лет), разный год поступления в военное училище (1947 г. в автобиографии 1954 г. и 1948 г. в автобиографии 1966 г.) и т.д. Заметим: все эти lapsus memoriae касаются фактов догиковского периода жизни В.М. Шукшина.

Но есть неточности и другого рода, которые представляют собой явно сознательную попытку писателя отвлечь внимание от некоторых фактов собственной биографии. Объясняются они, скорее всего, идеологическими мотивами, регламентировавшими социальную действительность советской эпохи. Это касается, прежде всего, сведений об отце – М.Л. Шукшине. Как известно, М.Л. Шукшин был арестован 25 марта 1933 г. (вместе с другими 87 сrostинцами), этапирован в Барнаул, где 21 апреля этого же года осужден по статье 58 (пп. 4 (действия, направленные к свержению советской власти), 7 (подрыв народного хозяйства) и 11 (участие в контрреволюционной организации)) и приговорен к высшей мере наказания. 28 апреля 1933 г. М.Л. Шукшин был расстрелян. Мать В.М. Шукшина, опасаясь за судьбу детей, в одночасье ставших «детьми врага народа», перерегистрировала их на свою девичью фамилию – Попова. Фамилию «Попов» будущий писатель носил до своего шестнадцатилетия, когда при получении паспорта вернул себе отцовскую – «Шукшин».

И вот, в самой первой по времени из известных нам автобиографий – 1953 г., которую В.М. Шукшин написал при трудоустройстве учителем в сrostинскую вечернюю школу, писатель как бы мельком укажет: «С 1932 г., лишившись отца...» [Шукшин, 2009, с. 300]. При этом он не только не упомянул о причине потери отца, т.е. о его аресте, но и изменил истинный год этого события, т.к. само упоминание о 1933 г. сразу же рождало в памяти сrostинцев мысль о «сrostинском деле», по которому были арестованы 87 односельчан – «врагов народа». Мог ли сын врага народа работать учителем в советской школе в 1953 г.? Вероятно, Шукшин решил не привлекать к себе внимание и не вызывать лишних вопросов, касающихся судьбы отца. В автобиографии, которую В.М. Шукшин вместе с заявлением во ВГИК написал и отправил 20 июня 1954 г., об отце – почти та же фраза: «С 1933 г., лишившись родного отца...» [Там же, с. 302], где причина смерти по-прежнему не называется, но год потери отца уже указан верно – в Москве 1933-й год прямых ассоциаций с волной репрессий вызвать не мог. А вот в автобиографии 1955 г., прилагаемой к заявлению о вступлении в КПСС, которое В.М. Шукшин подал в парторганизацию ВГИКа, будущий писатель скажет: «отца убили на войне» [Там же, с. 303]. В 1942 г., как известно, пропал без вести отчим В.М. Шукшина – П.Н. Куксин. И только в автобиографиях 1963, 1966 и 1973 гг. В.М. Шукшин, наконец, скажет правду об отце: «Отец Шукшин Макар Леонтьевич в 1933 г. незаконно репрессирован, в 1956 г. посмертно реабилитирован» [Там же, с. 309].

К числу подобных фактов сознательного «искажения истории» (фраза, придуманная самим писателем, – вспомним Броньку Пупкова!) относится и неверное указание даты приема В.М. Шукшина в кандидаты в члены КПСС «май 1954 г.» [Там же, с. 302 и 303] (причем в автобиографии, написанной при поступлении во ВГИК, эта дата будет даже специально подчеркнута Шукшиным) вместо истинной – 21 июня 1954 г. В отношении причин изменения даты в автобиографии 1954 г. нельзя не согласиться с биографом писателя В.Ф. Гришаевым: «Думаю, не надо ломать голову над тем, почему он спешил оформить свою принадлежность к партии обязательно до отъезда на учебу. Видимо, полагал, и не без оснований, что экзамены экзаменами, а кандидатская карточка плюс рекомендация-характеристика райкома партии тоже сыграют не последнюю роль, когда дело дойдет до приемной комиссии, тем более для него, парня из далекой сибирской деревни, мужика» [Гришаев, 1994, с. 109–110]. То же можно сказать и об обстоятельствах поступления в военное училище. В автобиографии 1953 г. Шукшин на-

писал: «В 1947 г. я был зачислен в военное училище, но по собственному желанию был отчислен» [Шукшин, 2009, с. 300], между тем как в литературной автобиографии 1966 г. алтайский режиссер и писатель будет утверждать, что по дороге в училище потерял документы и «в училище явиться не посмел» [Шукшин, 1978, с. 322].

Данные (и другие!) факты позволяют утверждать, что Шукшин был склонен к игре со своей биографией. Неслучайно американский исследователь творчества писателя Д. Гивенс указывает, что В.М. Шукшин «принадлежит к категории художников и писателей, исповедующих жизнетворчество» [Givens, 2000, с. 16]. Жизнь и творчество Шукшина окружены мифами и легендами, к созданию и поддержанию которых сам писатель нередко имел прямое отношение. Некоторые из этих легенд продолжают жить и поныне (обстоятельства флотской службы, участие в съемках х/ф «Тихий Дон» и др.), прочно заняв место в посмертных биографических очерках о Шукшине (см., например, [Гришаев, 1994, с. 144–145]). К шукшинским автобиографиям вполне применимы слова Ю.М. Лотмана: «Биография писателя складывается в борьбе послужного списка и анекдота» [Лотман, 1992, с. 373].

Проблема отражения жанровых особенностей автобиографии в художественном творчестве В.М. Шукшина может рассматриваться в двух аспектах. Это изучение: а) автобиографических мотивов в прозе писателя и б) изучение случаев использования структурных элементов автобиографии в его произведениях.

Автобиографические мотивы так или иначе находят отражение в творчестве любого писателя. «Биография автора становится постоянным – незримым или эксплицированным – спутником его произведений» [Лотман, 1992, с. 369]. Автобиографизм свойственен многим произведениям Шукшина. Установка на достоверность, зеркальное отображение действительности – характерная черта литературного творчества В.М. Шукшина середины 1960-х гг. [Куляпин, 2005, с. 77–78]. Часто для Шукшина достоверность подразумевала обращение к событиям собственной жизни. Именно они нашли отражение в рассказах «Далекие зимние вечера», «Племянник главбуха», «Рыжий», «Наказ», «Дядя Ермолай» и др. Однако наиболее полную и последовательную реконструкцию шукшинской автобиографии мы находим в цикле рассказов «Из детских лет Ивана Попова» (1968)¹. В цикле описаны события из жизни автора, охватывающие период начиная с раннего детства и до возвращения из автотехникума (т.е. приблизительно с 1933 по 1947 гг.). События, лежащие в основе сюжетов рассказов, представлены в хронологической последовательности, при этом достоверность фактов, приводимых Шукшиным (конечно, с учетом их художественного осмысления), не раз подтверждалась родными и близкими писателя [Гришаев, 1994, с. 55, 63 и др.]. Неслучайно рассказы цикла являются важным и зачастую единственным источником информации о детстве В.М. Шукшина для биографов алтайского писателя (см. [Коробов, 1984, с. 9–11 и др.; Гришаев, 1994, с. 57, 63 и др.]). Таким образом, цикл «Из детских лет Ивана Попова» хронологически и содержательно дополняет автобиографии В.М. Шукшина.

Говоря о структурных элементах автобиографии в произведениях Шукшина, мы имеем в виду, в частности, присутствие в тексте характерных «анкетных» во-

¹ Нами имеется в виду полный вариант цикла из 7 рассказов, т.е. кроме канонических пяти рассказов, содержащий также рассказы «Солнечные кольца» (Советская Россия. 12 июля 1989. С. 4.) и «Письмо» (Советская Россия. 27 июля 1988. С. 6), которые впервые были опубликованы уже после смерти писателя Л.Н. Федосеевой-Шукшиной. В таком виде цикл «Из детских лет Ивана Попова» вошел в американское издание произведений В.М. Шукшина [Shukshin, 1996, p. 209–239], подготовленное ведущим западным шукшиноведом и переводчиком Д. Гивенсом.

просов. Например, в киноповести «Живет такой парень» подобные вопросы задает Пашке Колокольникову журналистка («Где вы учились? ... Сколько классов кончили?...»), вызывая недовольство Пашки и его строгий ответ («Пять. Не женатый. Не судился еще. Все?»). Здесь же мы встречаем и мотив игры с автобиографией, характерный для самого Шукшина. Стесняющийся своего образования Пашка сначала пытается уклониться от прямых «анкетных» вопросов журналистки, а позже во сне, в котором отражаются впечатления от беседы с девушкой, представляет себя генералом. Здесь официальная автобиография вступает в конфликт с желаемой, вымышленной. Аналогичный мотив игры с биографией встречается в рассказах «Миль пардон, мадам!», «Генерал Малафейкин» и др.

Итак, автобиографии В.М. Шукшина составляют значительный пласт в творческом наследии алтайского писателя. Автобиографии обладают собственным набором языковых средств, характеризуются воздействием на художественную прозу Шукшина, являются важным источником сведений о жизни и творчестве писателя. Все вышесказанное позволяет рассматривать автобиографии алтайского писателя в качестве самостоятельного объекта исследования в шукшиноведении.

Литература

- Гинзбург Л.Я. О психологической прозе. М., 1999.
- Гришаев В.Ф. Шукшин. Сrostки. Пикет. Барнаул, 1994.
- Казанский Н.Н. Исповедь как литературный жанр // Вестник истории, литературы и искусства. М., 2009. Т. 6.
- Коробов В.И. Василий Шукшин. М., 1984.
- Куляпин А.И. Творчество В.М. Шукшина: от мимезиса к семиозису. Барнаул, 2005.
- Лотман Ю.М. Литературная биография в историко-культурном контексте // Избранные статьи: В 3 т. Таллинн, 1992. Т. 1. С. 365–376.
- Матханова Н.П. Сибирская мемуаристика XIX века. Новосибирск, 2010.
- Шукшин В.М. Нравственность есть Правда. М., 1979.
- Шукшин В.М. Собрание сочинений: В 8 т. / Под общ. ред. О.Г. Левашовой. Барнаул, 2009. Т. 8: Публицистика. Статьи. Интервью. Беседы. Выступления. Письма. Рабочие записи. Автографы. Документы. Стихотворения / Под ред. Д.В. Марьина.
- Givens J. Prodigal Son: Vasili Shukshin in Soviet Russian culture. Evanston, Illinois, 2000.
- Shukshin V. Stories From a Siberian Village. Dekalb, 1996.